

H. Froude

Николай Васильевич Гоголь

Театральный разъезд после представления новой КОМЕДИИ

(Драматические отрывки и отдельные сцены
#6)

Впервые напечатано в Собрании сочинений Гоголя 1842 г. в конце четвертого тома. Первые наброски сделаны в апреле-мае 1836 г. под впечатлением первого представления «Ревизора». Окончательно отдельная пьесу, Гоголь особенно старался придать ей принципиальное, обобщенное значение, чтобы она не выглядела только комментарием к «Ревизору».

Содержание

#1	0005
Примечания	0074

**Николай Васильевич Гоголь
Театральный разъезд после
представления новой
комедии**

Сени театра. С одной стороны видны лестницы, ведущие в ложи и галереи, посередине вход в кресла и амфитеатр; с другой стороны выход. Слышен отдаленный гул рукоплексаний.

Автор пьесы[1] (выходя).

Я вырвался, как из омута! Вот наконец и крики и рукоплексания! Весь театр гремит!.. Вот и слава! Боже, как бы забилося назад тому лет семь, восемь мое сердце, как бы встрепенулось всё во мне! Но то было давно. Я был тогда молод, дерзкомыслен, как юноша. Благ промысл, не давший вкусить мне ранних восторгов и хвал! Теперь... Но разумный холод лет умудрит хоть кого. Узнаешь наконец, что рукоплексания еще не много значат и готовы служить всему наградой: актер ли постигнет всю тайну души и сердца человека, танцор ли добьется умения выводить вензеля ногами, фокусник ли – всем им гремит рукоплексание! Голова ли думает, сердце ли чувствует, звучит ли глубина души, работают ли ноги, или руки перевертывают стаканы – всё покрывается равными плесками. Нет, не руко-

плесканий я бы теперь желал: я бы желал теперь вдруг переселиться в ложи, в галлерей, в кресла, в раёк, проникнуть всюду, услышать всех мненья и впечатленья, пока они еще девственны и свежи, пока еще не покорились толкам и сужденьям знатоков и журналистов, пока каждый под влиянием своего собственного суда. Мне это нужно: я комик. Все другие произведения и роды подлежат суду немногих, один комик подлежит суду всех; над ним всякий зритель имеет уже право, всякого званья человек уже становится судьей его. О, как бы хотел я, чтобы каждый указал мне мои недостатки и пороки! Пусть даже посмеется надо мной, пусть недоброжелательство правит устами его, пристрастье, негодование, ненависть – всё, что угодно, но пусть только произнесутся эти толки. Не может без причины произвестись слово, и везде может зарониться искра правды. Тот, кто решился указать смешные стороны другим, тот должен разумно принять указания слабых и смешных собственных сторон. Попробую, останусь здесь в сенях во всё время разъезда. Нельзя, чтобы не было толков о новой пьесе.

Человек под влиянием первого впечатления всегда жив и спешит им поделиться с другим.
(Отходит в сторону.)

Показывается несколько прилично одетых людей; один говорит, обращаясь к другому:

Выйдем лучше теперь. Игратья будет незначительный водевиль.

Оба уходят.

Два *сотте il faut*[2] плотного свойства, сходят с лестницы.

Первый *сотте il faut*. Хорошо, если бы полиция не далеко отогнала мою карету. Как зовут эту молоденькую актрису, ты не знаешь?

Второй *сотте il faut*. Нет, а очень недурна.

Первый *сотте il faut*. Да, недурна; но всё чего-то еще нет. Да, рекомендую: новый ресторан: вчера нам подал свежий зеленый горох (целует концы пальцев) – прелесть! (Уходят оба).

Бежит офицер, другой удерживает его за

руку.

Первый офицер. Да останемся!

Другой офицер. Нет, брат, на водевиль и ка-
лачом не заманишь. Знаем мы эти пиесы, ко-
торые даются на закуску: лакеи вместо акте-
ров, а женщины – урод на уроде.

Уходят.

Светский человек, щеголевато одетый (сходя с лестницы). Плут портной, претесно
сделал мне панталоны, всё время было страх
неловко сидеть. За это я намерен еще прово-
лочить его, и годика два не заплачу долгов.
(*Уходит*).

*Тоже светский человек, поплотнее (гово-
рит с живостью другому).* Никогда, никогда,
поверь мне, он с тобою не сядет играть. Мень-
ше как по полтора ста рублей роберт он не иг-
рает. Я знаю это хорошо, потому что шури-
мой, Пафнутьев, всякий день с ним играет.

Автор пиесы (про себя). И всё еще никто ни
слова о комедии!

Чиновник средних лет (выходя с растопы-

ренными руками). Это, просто, чорт знает что такое! Этакое... этакое... Это ни на что не похоже. (Ушел).

Господин, несколько беззаботный насчет литературы (обращаясь к другому). Ведь это, однако ж, кажется, перевод?

Другой. Помилуйте, что за перевод! Действие происходит в России, наши обычаи и чины даже.

Господин, беззаботный насчет литературы. Я помню, однако ж, было что-то на французском, не совсем в этом роде.

Оба уходят.

Один из двух зрителей (тоже выходящих вон). Теперь еще ничего нельзя знать. Погоди, что скажут в журналах, тогда и узнаешь.

Две бекешы (одна другой). Ну, как вы? Я бы желал знать ваше мнение о комедии.

Другая бекеша (делая значительные движения губами). Да, конечно, нельзя сказать, чтобы не было того... в своем роде... Ну, конечно, кто ж против этого и стоит, чтобы опять не было и... где ж, так сказать... а впрочем...

(утвердительно сжимая губами) Да, да.

Уходят.

Автор (про себя). Ну, эти пока еще немного сказали. Толки, однако же, будут: я вижу впереди горячо размахивают руками.

Два офицера.

Первый. Я еще никогда так не смеялся.

Второй. Я полагаю: отличная комедия.

Первый. Ну, нет, посмотрим еще, что скажут в журналах, нужно подвергнуть суду критики... Смотри, смотри! *(Толкает его под руку).*

Второй. Что?

Первый (указывая пальцем на одного из двух идущих с лестницы). Литератор!

Второй (торопливо). Который?

Первый. Вот этот! чш! послушаем, что будут говорить.

Второй. А другой кто с ним?

Первый. Не знаю; неизвестно какой человек.

Оба офицера посторониваются и дают им место.

Неизвестно какой человек. Я не могу судить, относительно литературного достоинства; но мне кажется, есть остроумные заметки. Остро, остро.

Литератор. Помилуйте, что ж тут остроумного? Что за низкий народ выведен, что за тон? Шутки самые плоские; просто, даже сально!

Неизвестно какой человек. А, это другое дело. Я и говорю: в отношении литературного достоинства я не могу судить; я только заметил, что пьеса смешна, доставила удовольствие.

Литератор. Да и не смешна. Помилуйте, что ж тут смешного и в чем удовольствие? Сюжет невероятнейший. Всё несообразности; ни завязки, ни действия, ни соображения никакого.

Неизвестно какой человек. Ну, да против этого я и не говорю ничего. В литературном отношении так, в литературном отношении

она не смешна; но в отношении, так сказать, со стороны в ней есть...

Литератор. Да что же есть? Помилуйте, и этого даже нет! Ну что за разговорный язык? Кто говорит эдак в высшем обществе? Ну скажите сами, ну говорим ли мы с вами эдак?

Неизвестно какой человек. Это правда; это вы очень тонко заметили. Именно, я вот сам про это думал: в разговоре благородства нет. Все лица, кажется, как будто не могут скрыть низкой природы своей – это правда.

Литератор. Ну, а вы еще хвалите!

Неизвестно какой человек. Кто ж хвалит? я не хвалю. Я сам теперь вижу, что пьеса – вздор. Но ведь вдруг

нельзя же этого узнать; я не могу судить в литературном отношении.

Оба уходят.

Еще литератор (входит в сопровождении слушателей, которым говорит, размахивая руками). Поверьте мне, я знаю это дело: отвратительная пьеса! грязная, грязная пьеса! Нет ни одного лица истинного, всё карикату-

ры! В натуре нет этого; поверьте мне, нет, я лучше это знаю: я сам литератор. Говорят: живость, наблюдение... да ведь это всё вздор, это всё приятели, приятели хвалят, всё приятели! Я уже слышал, что его чуть не в Фонвизины суют, а пиеса просто недостойна даже быть названа комедиею. Фарс, фарс, да и фарс самый неудачный. Последняя, пустейшая комедийка Коцебу в сравнении с нею Монблан перед Пулковскою горою. Я это им всем докажу, докажу математически, как дважды два. Просто друзья и приятели захвалили его не в меру, так вот он уж теперь, чай, думает о себе, что он чуть-чуть не Шекспир. У нас всегда приятели хвалят. Вот, например, и Пушкин. Отчего вся Россия теперь говорит о нем? Всё приятели кричали, кричали, а потом вслед за ними и вся Россия стала кричать. *(Уходят вместе с слушателями).*

Оба офицера подаются вперед и занимают их места.

Первый. Это справедливо, это совершенно справедливо: именно фарс; я это и прежде го-

ворил, глупый фарс, поддержанный приятелями. Признаюсь, на многое даже отвратительно было смотреть.

Второй. Да ведь ты ж говорил, что еще никогда так не смеялся?

Первый. А это опять другое дело. Ты не понимаешь, тебе нужно растолковать. Тут что в этой пьесе? Во-первых, завязки никакой, действия тоже нет, соображенья решительно никакого, всё невероятности и при том всё карикатуры.

Двое других офицеров позади.

Один (другому). Кто это рассуждает? Кажется, из ваших?

Другой, заглянув сбоку в лицо рассуждавшего, махнул рукой.

Первый. Что, глуп?

Другой. Нет, не то чтобы... У него есть ум, но сейчас по выходе журнала, а запоздала выходом книжка – и в голове ничего. Но, однако ж, пойдем.

Уходят.

Два любителя искусств.

Первый. Я вовсе не из числа тех, которые прибегают только к словам: грязная, отвратительная, дурного тона и тому подобное. Это уже доказанное почти дело, что такие слова большею частью исходят из уст тех, которые сами очень сомнительного тона, толкуют о гостиных, и допускаются только в передние. Но не об них речь. Я говорю на счет того, что в пиесе точно нет завязки.

Второй. Да, если принимать завязку в том смысле, как её обыкновенно принимают, то есть в смысле любовной интриги, так её точно нет. Но, кажется, уже пора перестать опираться до сих пор на эту вечную завязку. Стоит взглядеться пристально вокруг. Всё изменилось давно в свете. Теперь сильней завязывает драму стремление достать выгодное место, блеснуть и затмить, во что бы ни стало, другого, отмстить за пренебрежение, за насмешку. Не более ли теперь имеют электричества чин, денежный капитал, выгодная женитьба, чем любовь?

Первый. Всё это хорошо; но и в этом отно-

шении всё-таки я не вижу в пьесе завязки.

Второй. Я не буду теперь утверждать, есть ли в пьесе завязка или нет. Я скажу только, что вообще ищут частной завязки и не хотят видеть общей. Люди простодушно привыкли уж к этим беспрестанным любовникам, без женитьбы которых никак не может окончиться пьеса. Конечно, это завязка, но какая завязка? – точный узелок на углке платка. Нет, комедия должна вязаться само собою, всей своей массою, в один большой, общий узел. Завязка должна обнимать все лица, а не одно или два, – коснуться того, что волнует, более или менее, всех действующих. Тут всякий герой; течение и ход пьесы производит потрясение всей машины: ни одно колесо не должно оставаться как ржавое и не входящее в дело.

Первый. Но все же не могут быть героями; один или два должны управлять другими?

Второй. Совсем не управлять, а разве преобладать. И в машине одни колеса заметней и сильней движутся; их можно только назвать главными; но правит пьесою идея, мысль. Без нее нет в ней единства. А завязать

может всё: самый ужас, страх ожидания, гроза идущего вдали закона...

Первый. Но это выходит уж придавать комедии какое-то значение более всеобщее.

Второй. Да разве не есть это ее прямое и настоящее значение? В самом начале комедия была общественным, народным созданием. По крайней мере, такую показал ее сам отец ее, Аристофан. После уже она вошла в узкое ущелье частной завязки, внесла любовный ход, одну и ту же неперемennую завязку. Зато как слаба эта завязка у самых лучших комиков, как ничтожны эти театральные любовники с их картонной любовью!

Третий (подходя и ударив слегка его по плечу). Ты не прав: любовь так же, как и другие чувства, может тоже войти в комедию.

Второй. Я и не говорю, чтобы она не могла войти. Но только и любовь и все другие чувства, более возвышенные, тогда только произведут высокое впечатление, когда будут развиты во всей глубине. Занявшись ими, неминуемо должно пожертвовать всем прочим. Всё то, что составляет именно сторону комедии, тогда уже побледнеет, и значение

комедии общественной непременно исчезнет.

Третий. Стало быть, предметом комедии должно быть непременно низкое? Комедия выйдет уже низкий род.

Второй. Для того, кто будет глядеть на слова, а не вникать в смысл, это так. Но разве положительное и отрицательное не может послужить той же цели? Разве комедия и трагедия не могут выразить ту же высокую мысль? Разве все, до малейшей, излучины души подлого и бесчестного человека не рисуют уже образ честного человека? Разве всё это накопление низостей, отступлений от законов и справедливости, не дает уже ясно знать, чего требуют от нас закон, долг и справедливость? В руках искусного врача и холодная и горячая вода лечит с равным успехом одни и те же болезни. В руках таланта всё может служить орудием к прекрасному, если только правится высокой мыслью послужить прекрасному.

Четвертый (подходя). Что может послужить прекрасному? и о чем у вас толки?

Первый. Спор завязался у нас о комедии. Мы все говорим о комедии вообще, а никто

еще не сказал ничего о новой комедии. Что вы скажете?

Четвертый. А вот что скажу: виден талант, наблюдение жизни, много смешного, верного, взятого с натуры; но вообще во всей пиесе чего-то нет. Как-то не видишь ни завязки, ни развязки. Странно, что наши комики никак не могут обойтись без правительства. Без него у нас не развяжется ни одна комедия.

Третий. Это правда. А впрочем, с другой стороны, это очень естественно. Мы все принадлежим правительству, все почти служим; интересы всех нас более или менее соединены с правительством. Стало быть, не мудрено, что это отражается в созданных наших писателей.

Четвертый. Так. Ну и пусть эта связь будет слышна. Но смешно то, что пиеса никак не может кончиться без правительства. Оно непременно явится, точно неизбежный рок в трагедиях у древних.

Второй. Ну, видите: стало быть, это уже что-то невольное у наших комиков. Стало быть, это уже составляет какой-то отличительный характер нашей комедии. В груди

нашей заключена какая-то тайная вера в правительство. Что ж? тут нет ничего дурного: дай бог, чтобы правительство всегда и везде слышало призвание свое – быть представителем провиденья на земле, и чтобы мы веровали в него, как древние веровали в рок, настигавший преступления.

Пятый. Здравствуйте, господа! Я только и слышу слово «правительство». Комедия возбуждала крики и толки...

Второй. Поговоримте лучше об этих толках и криках у меня, чем здесь, в театральных сенях.

Уходят.

Несколько почтенных и прилично одетых людей появляются один за другим.

№ 1. Так, так, я вижу: это верно, что есть у нас и случается в иных местах и похуже; но для какой цели, к чему выводить это? – вот вопрос. Зачем эти представления? какая польза от них? вот что разрешите мне! Что мне нужды знать, что в таком-то месте есть плуты? Я просто... я не понимаю надобности

подобных представлений. (*Уходит*).

№ 2. Нет, это не осмеяние пороков; это обратительная насмешка над Россией – вот что. Это значит выставить в дурном виде самое правительство, потому что выставят дурных чиновников и злоупотребления, которые бывают в разных сословиях, значит выставить самое правительство. Просто, даже не следует допускать таких представлений. (*Уходит*).

Входят *господин А.* и *господин Б.*, *люди немаловажных чинов.*

Господин А. Я не на счет этого говорю; напротив, злоупотребленья нам нужно показывать, нужно, чтобы мы видели свои проступки; и я ничуть не разделяю мнений многих чересчур разгорячившихся патриотов; но только мне кажется, что не слишком ли много здесь чего-то печального...

Господин Б. Я бы очень хотел, чтобы вы услышали замечание одного очень скромно одетого человека, который сидел возле меня в креслах... Ах, вот он сам!

Господин А. Кто?

Господин Б. Именно этот очень скромно одетый человек. (*Обращаясь к нему*). Мы с вами не кончили разговора, которого начало было так для меня интересно.

Очень скромно одетый человек. А я, признаюсь, очень рад продолжать его. Сейчас только я слышал толки, именно: что это всё неправда, что это насмешка над правительством, над нашими обычаями, и что этого не следует вовсе представлять. Это заставило меня мысленно припомнить и обнять всю пьесу, и признаюсь, выражение комедии показалось мне теперь еще даже значительней. В ней, как мне кажется, сильнее и глубже всего поражено смехом лицемерие, благопристойная маска, под которою является низость и подлость, плут, корчащий рожу благонамеренного человека. Признаюсь, я чувствовал радость, видя, как смешны благонамеренные слова в устах плута и как уморительно смешна стала всем, от кресел до райка, надетая им маска. И после этого есть люди, которые говорят, что не нужно выводить этого на сцену! Я слышал одно замечание, сделанное, как мне

показалось, впрочем, довольно порядочным человеком: «А что скажет народ, когда увидит, что у нас бывают вот какие злоупотребления?»»

Господин А. Признаюсь, вы извините меня, но мне самому тоже невольно представился вопрос: а что скажет народ наш, глядя на всё это?

Очень скромно одетый человек. Что скажет народ? (*Посторонивается, проходят двое в армяках.*)

Синий армяк (серому). Небось, прыткие были воеводы, а все побледнели, когда пришла царская расправа!

Оба выходят вон.

Очень скромно одетый человек. Вот что скажет народ, вы слышали?

Господин А. Что?

Очень скромно одетый человек. Скажет: «Небось, прыткие были воеводы, а все побледнели, когда пришла царская расправа!» Слышите ли вы, как верен естественному чутью и чувству человек? Как верен самый простой

глаз, если он не отуманен теориями и мыслями, надерганными из книг, а черплет их из самой природы человека! Да разве это не очевидно ясно, что после такого представления народ получит более веры в правительство? Да, для него нужны такие представления. Пусть он отделит правительство от дурных исполнителей правительства. Пусть видит он, что злоупотребления происходят не от правительства, а от не понимающих требований правительства, от не желающих ответствовать правительству. Пусть он видит, что благородно правительство, что бдит равно над всеми его недремлющее око, что рано или поздно настигнет оно изменивших закону, чести и святому долгу человека, что поблещут перед ним имеющие нечистую совесть. Да, эти представления ему должно видеть: поверьте, что если и случится ему испытать на себе прижимки и несправедливости, он выйдет утешенный после такого представления, с твердой верой в недремлющий, высший закон. Мне нравится тоже еще замечание: «народ получит дурное мнение о своих начальниках». То-есть, они воображают, что народ

только здесь, в первый раз в театре, увидит своих начальников; что если дома какой-нибудь плут-староста сожмет его в лапу, так этого он никак не увидит, а вот как пойдет в театр, так тогда и увидит. Они, право, народ наш считают глупее бревна, – глупым до такой степени, что будто уже он не в силах отличить, который пирог с мясом, а который с кашей. Нет, теперь мне кажется, даже хорошо то, что не выведен на сцену честный человек. Самолюбив человек: выстави ему при множестве дурных сторон одну хорошую, он уже гордо выйдет из театра. Нет, хорошо, что выставлены одни только исключения и пороки, которые колют теперь до того глаза, что не хотят быть их соотечественниками, стыдятся даже сознаться, что это может быть.

Господин А. Но неужели, однако ж, существуют у нас точь-в-точь такие люди?

Очень скромно одетый человек. Позвольте мне сказать вам на это вот что: я не знаю, почему мне всякий раз становится грустно, когда я слышу подобный вопрос. Я могу с вами говорить откровенно: в чертах лиц ваших я вижу что-то такое, что располагает меня к от-

кровенности. Человек прежде всего делает запрос: «Неужели существуют такие люди?» Но когда было видено, чтобы человек сделал такой вопрос: «Неужели я сам чист вовсе от таких пороков?» Никогда, никогда! Да вот что, – я буду с вами говорить прямодушно. У меня доброе сердце, любви много в моей груди, но если бы вы знали, каких душевных усилий и потрясений мне было нужно, чтобы не впасть во многие порочные наклонности, в которые впадаешь невольно, живя с людьми! И как я могу сказать теперь, что во мне нет сию же минуту тех самых наклонностей, которым только что посмеялись назад тому десять минут все, и над которыми и я сам посмеялся.

Господин А. (после некоторого молчания).
Признаюсь, над словами вашими призадумался. И когда я вспомню, представлю себе, как гордыми сделало нас европейское наше воспитание, вообще как скрыло нас от самих себя, как свысока и с каким презрением глядим мы на тех, которые не получили подобной нам наружной полировки, как всякий из нас ставит себя чуть не святым, а о дурном говорит вечно в третьем лице, – то, признаюсь,

неволью становится грустно душе... Но, простите мою нескромность, вы, впрочем, виноваты в ней сами; позвольте узнать: с кем я имею удовольствие говорить?

Очень скромно одетый человек. А я ни более, ни менее, как один из тех чиновников, в должности которых выведены были лица комедии, и третьего дня только приехал из своего городка.

Господин Б. Я бы этого не мог думать. И неужели вам не кажется после этого обидно жить и служить с такими людьми?

Очень скромно одетый человек. Обидно? А вот что я вам скажу на это: признаюсь, мне приходилось часто терять терпенье. В городке нашем не все чиновники из честного десятка; часто приходится лезть на стену, чтобы сделать какое-нибудь доброе дело. Уже несколько раз хотел было я бросить службу; но теперь, именно после этого представления, я чувствую свежесть и, вместе с тем, новую силу продолжать свое поприще. Я утешен уже мыслью, что подлость у нас не остается скрытою или потворствуемой, что там, в виду всех благородных людей, она поражена

осмеянием, что есть перо, которое не укоснит обнаружить низкие наши движения, хотя это и не льстит национальной нашей гордости, и что есть благородное правительство, которое дозволит показать это всем, кому следует, в очи, и уж это одно дает мне рвение продолжать мою полезную службу.

Господин А. Позвольте сделать вам одно предложение. Я занимаю государственную должность довольно значительную. Мне нужны истинно благородные и честные помощники. Я вам предлагаю место, где вам будет обширное поле действия, где вы получите несравненно более выгод и будете на виду.

Очень скромно одетый человек. Позвольте мне от всей души и от всего сердца поблагодарить вас за такое предложение и, вместе с тем, позвольте отказаться от него.

Если я уже чувствую, что полезен своему месту, то благородно ли с моей стороны его бросить? И как я могу оставить его, не будучи уверен твердо, что после меня не сядет какой-нибудь молодец, который начнет делать прижимки. Если же это предложение сделано вами в виде награды, то позвольте сказать

вам: я аплодировал автору пиесы наравне с другими, но я не вызывал его. Какая ему награда? Пиеса понравилась – хвали ее, а он – он только выполнил долг свой. У нас, право, до того дошло, что не только по случаю какого-нибудь подвига, но просто, если только иной не нагадит никому в жизни и на службе, то уже считает себя бог весть каким добродетельным человеком; сердится сурьезно, если не замечают и не награждают его. «Помилуйте», говорит: «я целый век честно жил, совсем почти не делал подлостей, – как же мне не дают ни чина, ни ордена?» Нет, по мне, кто не в силах быть благородным без поощрения – не верю я его благородству, не стоит гроша его мышинное благородство.

Господин А. По крайней мере, вы мне не откажете в вашем знакомстве. Простите мою неотвязчивость; вы сами видите, что она есть следствие моего искреннего уважения. Дайте мне ваш адрес.

Очень скромно одетый человек. Вот вам мой адрес: но будьте уверены, что я не допущу вас им воспользоваться, и завтра же поутру явлюсь к вам. Извините меня, я не воспи-

тан в большом свете и не умею говорить... Но встретить такое великодушное внимание в государственном человеке, такое стремление к добру... дай бог, чтобы всякий государь был окружен такими людьми! *(Поспешно уходит).*

Господин А. (переворачивая в руках карточку). Я смотрю на эту карточку и на эту неизвестную мне фамилию, и как-то полно становится на душе моей. Это вначале грустное впечатление рассеялось само собою. Да хранит тебя бог, наша малознаемая нами Россия! В глуши, в забытом углу твоём, скрывается подобный перл, и, вероятно, он не один. Они, как искры золотой руды, рассыпаны среди грубых и темных ее гранитов. Есть глубоко утешительное чувство в сем явлении, и душа моя осветилась после встречи с этим чиновником, как осветилась его собственная после представления комедии.

Прощайте! Благодарю вас, что вы доставили мне эту встречу. *(Уходит).*

Господин В. (подходя к господину Б.) Кто это был с вами? кажется, он министр, а?

Господин П. (подходя с другой стороны). Помилуй братец, ну что это такое, как же это в

самом деле?..

Господин Б. Что?

Господин П. Ну да как же выводить это?

Господин Б. Почему же нет?

Господин П. Ну, да сам посуди ты: ну так же, право? Всё пороки да пороки; ну какой пример подаёт это зрителям?

Господин Б. Да разве пороки хвалятся? Ведь они же выведены на осмеяние.

Господин П. Ну, да всё, брат, как ни говори: уваженье... ведь чрез это теряется уваженье к чиновникам и должностям.

Господин Б. Уважение не теряется ни к чиновникам, ни к должностям, а к тем, которые скверно исполняют свои должности.

Господин В. Но позвольте, однако же, заметить: всё это некоторым образом есть уже оскорбление, которое более или менее распространяется на всех.

Господин П. Именно. Вот это я сам хотел ему заметить. Это именно оскорбление, которое распространяется. Теперь, например, выведут какого-нибудь титулярного советника, а потом... э... пожалуй выведут... и действительного статского советника...

Господин Б. Ну так что ж? Личность только должна быть неприкосновенна; а если я выдумал собственное лицо и придал ему кое-какие пороки, какие случаются между нами, и дал ему чин, какой мне вздумалось, хоть бы даже и действительного статского советника, и сказал бы, что этот действительный статский советник не таков, как следует: что ж тут такого? Разве не попадается гусь и между действительными статскими советниками?

Господин П. Ну уж, брат, это слишком. Как же может быть гусь действительный статский советник? Ну, пусть еще титулярный... Ну, ты уж слишком.

Господин В. Чем выставлять дурное, зачем же не выставить хорошее, достойное подражания?

Господин Б. Зачем? странный вопрос: зачем? Много можно сделать таких «зачем». Зачем один отец, желая исторгнуть своего сына из беспорядочной жизни, не тратил слов и наставлений, а привел его в лазарет, где предстали пред ним во всём ужасе страшные следы беспорядочной жизни? Зачем он это сделал?

Господин В. Но позвольте вам заметить: это уже некоторым образом наши общественные раны, которые нужно скрывать, а не показывать.

Господин П. Это правда. Я с этим совершенно согласен. У нас дурное нужно скрывать, а не показывать.

Господин Б. Если бы слова эти были сказаны кем другим, а не вами, я бы сказал, что ими водило лицемерие, а не истинная любовь к отечеству. По-вашему, нужно бы только закрыть, залечить как-нибудь снаружи эти, как вы называете, общественные раны, лишь бы только покамест они не были видны, а внутри пусть свирепствует болезнь – до того нет нужды. Нет нужды, что она может взорваться и обнаружиться такими симптомами, когда уже всякое лечение поздно. До того нет нужды. Вы не хотите знать того, что без глубокой сердечной исповеди, без христианского сознания грехов своих, без преувеличения их в собственных глазах наших, не в силах мы возвыситься над ними, не в силах взлететь душой превыше презренного в жизни. Вы не хотите знать этого. Пусть глух

остаётся человек, пусть сонно проходит жизнь свою, пусть не содрогается, пусть не плачет в глубине сердца, пусть низведет до такого усыпления свою душу, чтобы уже ничто не произвело в ней потрясения! Нет... простите меня. Холодный эгоизм движет устами, произносящими такие речи, а не святая, чистая любовь к человечеству. (*Уходит.*)

Господин П. (после некоторого молчания). Что ж ты молчишь? Каков? Чего не наговорил, а?

Господин В. (молчит).

Господин П. (продолжая). Он может себе говорить, что ему угодно, а ведь это всё-таки наши, так сказать, раны.

Господин В. (в сторону). Ну, попались ему на язык эти раны! Будет он толковать о них и встречному и поперечному!

Господин П. Этак, пожалуй, и я могу наскать кучу всего, да ведь что ж из этого?.. А вот князь N. Послушай, князь, не уходи!

Князь N. А что?

Господин П. Ну, потолкуем, остановись! Ну что, как пьеса?

Князь N. Да смешна.

Господин П. Но, однако ж, скажи: как это представлять? – на что это похоже...

Князь N. Почему ж не представлять?

Господин П. Ну, да посуди сам, ну, да как же этот вдруг на сцене плут? ведь это всё наши раны.

Князь N. Какие раны?

Господин П. Да это наши раны, наши, так сказать общественные раны.

Князь N. (с досадою). Возьми их себе. Пусть они будут твои, а не мои раны! Что ты мне их тычешь, мне пора домой. *(Уходит).*

Господин П. (продолжая). И потом опять, что за чепуху он наговорил здесь? Говорит, действительный статский советник может быть гусь. Ну еще пусть титулярный, это можно, допустить...

Господин В. Однако ж, пойдем, полно толковать; я думаю, что все проходящие узнали уже, что ты действительный статский советник. *(В сторону).* Есть люди, которые имеют искусство всё охаять. Твою же мысль, повторивши, они умеют сделать её так пошлою, что сам краснеешь. Скажешь глупость; она бы, может, так и проскользнула незамечен-

ной, – нет, отыщется поклонник и приятель, который непременно пустит её в ход и сделает еще глупее, чем она есть. Даже досадно – право, точно в грязь посадил. (*Уходят*).

Военный и статский выходят вместе.

Статский. Ведь вот вы какие, господа военные! Вы говорите, это нужно выводить на сцену; вы готовы вдоволь посмеяться над каким-нибудь статским чиновником, а затронь как-нибудь военных, скажи только, что есть в таком-то полку офицеры, не говоря уже о порочных наклонностях, но просто скажи: есть офицеры дурного тона, с неприличными ухватками, – да вы из-за одного этого готовы с жалобой полезть в самый государственный совет.

Военный. Ну, послушайте: за кого же вы меня считаете? Конечно, есть между нами такие Донкишоты; но поверьте также, что есть много истинно-рассудительных людей, которые будут рады всегда, если будет выведен на всеобщее осмеяние порочащий свое званье. Да и в чем здесь обида? Подавайте, подавайте

нам его! Мы всякий день готовы смотреть.

Статский(в сторону). Этак всегда кричит человек: подавайте! подавайте! а подашь – так и рассердится.

Уходят.

Две бекешы.

Первая бекеша. У французов тоже, например; но у них всё это очень мило. Ну, вот, помнишь, во вчерашнем водевиле: раздевается, ложится в постель, схватывает со стола салатник и ставит его под кровать. Оно, конечно, нескромно, но мило. На всё это можно смотреть, это не оскорбляет... У меня жена и дети всякий день в театре. А здесь, ну что это, право? какой-нибудь мерзавец, мужик, которого бы я в переднюю не пустил, развалился с сапогами, зевает или ковыряет в зубах, ну, что это право? на что это похоже?

Другая бекеша. У французов другое дело. Там *soci?t?*, *mon cher!*[3] У нас это невозможно. У нас ведь сочинители совершенно без всякого образования: всё это большею частью воспитывалось в семинарии. Он и к вину на-

клонен, он и потаскун. К моему лакею тоже ходил в гости один какой-то сочинитель: где ж ему иметь понятие о хорошем обществе?

Уходят.

Светская дама (в сопровождении двух мужчин: одного во фраке, другого в мундире). Но что за люди, что за лица выведены! хотя бы один привлек... Ну, отчего не пишут у нас так, как французы пишут, например, как Дюма и другие? Я ни требую образцов добродетели; выведите мне женщину, которая бы заблуждалась, которая бы даже изменила мужу, предалась, положим, самой порочной и непозволенной любви, но представьте это увлекательно, так, чтобы я побуждена была к ней участием, чтобы я полюбила её... А ведь здесь все лица – один отвратительней другого.

Мужчина в мундире. Да, тривиально, тривиально.

Светская дама. Скажите: отчего у нас, в России, всё еще так тривиально?

Мужчина во фраке. Душа моя, после рас-

скажешь, отчего тривиально: кричат нашу карету.

Уходят.

Выходят трое мужчин вместе.

Первый. Почему ж не посмеяться, смеяться можно; но что за предмет для насмешки: злоупотребления и пороки? Какая здесь насмешка!

Второй. Так над чем же смеяться? Разве над добродетелями, над достоинствами человека?

Первый. Нет, да это не предмет для комедии, мой милый. Это уже некоторым образом касается правительства. Как будто нет других предметов, о чем можно писать?

Второй. Какие же другие предметы?

Первый. Ну, да мало ли есть всяких смешных светских случаев. Ну, положим, например, я отправился на гулянье на Аптекарский остров, а кучер меня вдруг завез там на Выборгскую, или к Смольному монастырю. Мало ли есть всяких смешных сцеплений?

Второй. То-есть, вы хотите отнять у коме-

дии всякое сурьезное значение. Но зачем же издавать непрременный закон? Комедий в том именно вкусе, в каком вы желаете, есть множество. Почему же не допустить существования двух, трех таких, какова была игранная теперь? Если же вам нравятся те, о которых вы говорите, поезжайте только в театр: там всякий день вы увидите пиесу, где один спрятался под стул, а другой вытащил его оттуда за ногу.

Третий. Ну, нет, послушайте: это не то. Все-му есть свои границы. Есть вещи, над которыми, так сказать, не следует смеяться, которые в некотором роде уже святыня.

Второй (про себя с горькой усмешкой). Так всегда на свете: посмейся над истинно-благородным, над тем, что составляет высокую святыню души, никто не станет заступником. Посмейся же над порочным, подлым и низким, все закричат: он смеется над святыней!

Первый. Ну, вот видите ли, вы, я вижу, теперь убеждены, – не говорите ни слова. Поверьте, нельзя не быть убежденну, это истина. Я сам человек беспристрастный и говорю не то, чтобы... но просто, это не авторское де-

ло, это не предмет для комедии. (*Уходят*).

Второй (про себя). Признаюсь, я бы ни за что не захотел быть на месте автора. Прошу угодить! Избери маловажные светские случаи, все будут говорить: он пишет вздор, никакой нет глубокой нравственной цели; избери предмет, сколько-нибудь имеющий серьезную нравственную цель, будут говорить: не его дело, пиши пустяки! (*Уходит*).

Молодая дама большого света в сопровождении мужа.

Муж. Карета наша не должна быть далеко, мы можем скоро уехать.

Господин N. (подходя к даме). Что вижу! Вы приехали смотреть русскую пиесу!

Молодая дама. Что ж тут такого? Разве я уже ничуть не патриотка?

Господин N. Ну, если так, то вы не очень насытили патриотизм свой. Вы, верно, браните пиесу.

Молодая дама. Совсем нет. Я нахожу, что многое очень верно: я смеялась от души.

Господин N. Отчего ж вы смеялись? Оттого

ли, что любите посмеяться над всем, что русское?

Молодая дама. Оттого, что просто было смешно. Оттого, что выведена была внаружу та подлость, низость, которая в какое бы платье ни нарядилась, хотя бы она была и не в уездном городке, а здесь, вокруг нас, – она была бы такая же подлость или низость: вот отчего смеялась.

Господин N. Мне говорила сейчас одна очень умная дама, что она тоже смеялась, но что при всем том пиеса произвела на нее грустное впечатление.

Молодая дама. Я не хочу знать, что чувствовала ваша умная дама, но у меня не так чувствительны нервы, и я всегда рада смеяться над тем, что внутренне смешно. Я знаю, что есть иные из нас, которые от души готовы посмеяться над кривым носом человека, и не имеют духа посмеяться над кривою душою человека.

Вдали показывается тоже молодая дама с мужем.

Господин N. А вот идет ваша приятельница. Я бы желал знать ее мнение о комедии. *(Обе дамы подают друг другу руку).*

Первая дама. Я видела издали, как ты смеялась.

Вторая дама. Да кто же не смеялся? все смеялись.

Господин N. А не чувствовали вы никакого грустного чувства?

Вторая дама. Признаюсь, мне было, точно, грустно. Я знаю, всё это очень верно, я сама тоже видела много подобного, но при всем том мне было тяжело.

Господин N. Стало быть, комедия вам не понравилась?

Вторая дама. Ну, послушайте, кто ж это говорит? Я вам говорю уже, что я смеялась от всей души, и больше даже нежели все другие; я думаю, меня приняли даже за безумную... Но мне было грустно оттого, что хотелось бы отдохнуть хоть на одном добром лице. Это излишество, и множество низкого...

Господин N. Говорите, говорите!

Вторая дама. Послушайте, посоветуйте автору, чтобы он вывел хоть одного честного че-

ловека. Скажите ему, что об этом его просят, что это будет, право, хорошо.

Муж первой дамы. А вот же этого именно и не советуйте. Дамам хочется непременно рыцаря, чтобы он тут же твердил им за всяким словом о благородстве, хотя бы самым пошлым слогом.

Вторая дама. Совсем нет. Как вы мало знаете нас. Вот вам-то принадлежит это! Вы именно любите только одни слова и толки о благородстве. Я слышала суждение одного из вас: один толстяк кричал так, что, я думаю, всех заставил на себя обратиться: что это клевета, что подобных низостей и подлостей у нас никогда не делается. А кто говорил? самый низкий и подлый человек, который готов продать свою душу, совесть и всё, что хотите. Я не хочу только назвать его по имени.

Господин. Ну скажите же, кто это был?

Вторая дама. Зачем вам знать? Да не он один, я слышала беспрестанно, как около нас кричали: «это отвратительная насмешка над Россией, насмешка над правительством! Да как это позволить? Да что скажет народ?» А отчего они кричали? Оттого ли, что в самом

деле думали и чувствовали это? Извините. Оттого, чтобы произвести шум, чтобы запретили пиесу, потому что в ней, может быть, отыскали кое-что похожее на самих себя. Вот каковы ваши настоящие, не театральные рыцари!

Муж первой дамы. О! да у вас уж начинается маленькая злость.

Вторая дама. Злость, именно злость. Да, я зла, очень зла. И нельзя не быть злою, видя, как подлость является под всякими личинами.

Муж первой дамы. Ну да: вам бы хотелось, чтобы сейчас выскочил рыцарь, прыгнул через какую-нибудь пропасть, сломил бы себе шею...

Вторая дама. Извините.

Муж первой дамы. Натурально: женщине что нужно? ей непременно нужно, чтобы в жизни был роман.

Вторая дама. Нет, нет, нет. Двести раз готова говорить нет. Это пошлая, старая мысль, которую вы нам навязываете беспрестанно. У женщины больше истинного великодушия, чем у мужчины. Женщина не может, женщи-

на не в силах сделать тех подлостей и гадостей, какие делаете вы. Женщина не может там лицемерить, где лицемерите вы, не может смотреть сквозь пальцы на те низости, на которые вы смотрите. В ней есть довольно благородства для того, чтобы сказать всё это, не осматриваясь по сторонам, понравится ли это кому-либо, или нет, – потому что это нужно говорить. Что подло, то подло, как вы ни скрывайте его и какой ни давайте вид. Это подло, подло, подло!

Муж первой дамы. Да вы, я вижу, рассердились во всех отношениях.

Вторая дама. Потому что я откровенна и не могу вынести, когда говорят неправду.

Муж первой дамы. Ну, не сердитесь же, дайте мне вашу ручку. Я пошутил.

Вторая дама. Вот вам рука моя, я не сержусь. (*Обращаясь к N.*) Послушайте, посоветуйте автору, чтобы он вывел в комедии благородного и честного человека.

Господин N. Да как же это сделать? Ну, если он выведет честного человека, а этот честный человек будет похож на театрального рыцаря.

Вторая дама. Нет, если он сильно и глубоко чувствует, то герой его не будет театральным рыцарем.

Господин N. Да ведь я думаю, это не так легко сделать.

Вторая дама. Просто, скажите лучше, что у автора вашего нет глубоких и сильных движений сердечных.

Господин N. Отчего ж так?

Вторая дама. Ну, да уж кто беспрестанно и вечно смеется, тот не может иметь слишком высоких чувств; ему не может быть знакомо то, что чувствует одно только нежное сердце.

Господин N. Вот хорошо! Стало быть, по-вашему, автор не должен быть благородный человек?

Вторая дама. Ну, вот видите, вы сейчас перетолковываете в другую сторону. Я не говорю ни слова о том, чтобы у комика не было благородства и строгого понятия о чести во всем смысле слова. Я говорю только, что он не мог бы... выронить сердечную слезу, любить что-нибудь сильно, всей глубиной души.

Муж второй дамы. Но как же ты можешь сказать это утвердительно?

Вторая дама. Могу, потому что знаю. Все люди, которые смеялись или были насмешниками, все они были самолюбивы, все почти эгоисты. Конечно, благородные эгоисты, но все же эгоисты.

Господин N. Стало быть, вы решительно предпочитаете только тот род сочинений, где действуют одни высокие движенья человека?

Вторая дама. О, конечно! Я их всегда поставлю выше, и признаюсь, я больше имею душевной веры к такому автору.

Муж первой дамы(обращаясь к господину N.). Ну, разве ты не видишь: выходит опять то же. Это женский вкус. Для них самая пошлая трагедия выше самой лучшей комедии, уж потому только, что она трагедия...

Вторая дама. Молчите, я опять буду зла. *(Обращаясь к N.).* Ну скажите, не правду ли я сказала: ведь у комика душа непременно должна быть холодная?

Муж второй дамы. Или горячая, потому что раздражительность характера возбуждает тоже к насмешкам и сатирам.

Вторая дама. Ну, или раздражительная. Но что же это значит? Это значит, что причи-

ною таких произведений всё же была желчь, ожесточение, негодование, может быть, и справедливое во всех отношениях. Но нет того, что бы показывало, что это порождено высокой любовью к человечеству... словом, любовью. Не правда ли?

Господин N. Это правда.

Вторая дама. Ну, скажите: похож автор комедии на этот портрет?

Господин N. Как вам сказать? Я не знаю так коротко его, чтобы мог судить о душе его. Но, соображая всё, что я о нем слышал, он точно должен быть или эгоист, или очень раздражительный человек.

Вторая дама. Ну, видите ли, я это хорошо знала.

Первая дама. Не знаю почему, но мне бы не хотелось, чтобы он был эгоистом.

Муж первой дамы. А вот идет наш лакей, стало быть, – карета готова. Прощайте. (*Пожимая руку второй дамы*). Вы к нам, не правда ли? Чай пьем у нас?

Первая дама(уходя). Пожалуйста!

Вторая дама. Непременно.

Муж второй дамы. Кажется, наша карета

тоже готова. (*Уходят за ними*).

Выходят двое зрителей.

Первый. Вот что растолкуйте мне: отчего, разбирая порознь всякое действие, лицо и характер, видишь: всё это правда, живо взято с натуры, а вместе кажется уже чем-то громадным, преувеличенным, каррикатурным, так что, выходя из театра, невольно спрашиваешь: неужели существуют такие люди? А между тем ведь они не то чтобы злодеи.

Второй. Ничуть, они вовсе не злодеи. Они именно то, что говорит пословица: «не душой худ, а просто плут».

Первый. И потом еще одно: это громадное накопление, это излишество, не есть ли уже недостаток комедии? Скажите мне, где есть такое общество, которое бы состояло всё из таких людей, чтобы не было если не половины, то, по крайней мере, некоторой части порядочных людей? Если комедия должна быть картиной и зеркалом общественной нашей жизни, то она должна отразить её во всей верности.

Второй. Во-первых, по моему мнению, эта комедия вовсе не картина, а скорее фронтиспис. Вы видите – и сцена, и место действия идеальны. Иначе автор не сделал бы очевидных погрешностей и анахронизмов, не вставил бы даже иным лицам тех речей, которые, по свойству своему и по месту, занимаемому лицами, не принадлежат им. Только первая раздражительность приняла за личность то, в чем нет и тени личности, и что принадлежит более или менее личности всех людей. Это сборное место. Отовсюду, из разных углов России стеклись сюда исключения из правды, заблуждения и злоупотребления, чтобы послужить одной идее: произвести в зрителе яркое, благородное отвращение от многого кое-чего низкого. Впечатление еще сильнее оттого, что никто из приведенных лиц не утратил своего человеческого образа; человеческое слышится везде. Оттого еще глубже сердечное содроганье. И, смеясь, зритель невольно оборачивается назад, как бы чувствуя, что близко от него то, над чем он посмеялся, и что ежеминутно должен он стоять на страже, чтобы не ворвалось оно в его собственную душу.

Я думаю, забавней всего слышать автору упреки: зачем лица и герои его не привлекательны, тогда как он употребил всё, чтобы оттолкнуть от них. Да если бы хотя одно лицо честное было помещено в комедию, и помещено со всей увлекательностью, то уже все до одного перешли бы на сторону этого честного лица и позабыли бы вовсе о тех, которые так испугали их теперь. Эти образы, может быть, не мерещились бы беспрестанно, как живые, по окончании представленья; зритель не унес бы грустного чувства и не говорил бы: неужели существуют такие люди?

Первый. Да. Ну это, однако же, не вдруг поймут.

Второй. Весьма естественно. Смысл внутренний всегда постигается после. И чем живее, чем ярче те образы, в которые он облекся, и на которые раздробился, тем более останавливается всеобщее внимание на образах. Только сложивши их вместе, получишь итог и смысл созданья. Но разбирать и складывать такие буквы быстро, читать по верхам и вдруг, не всякий может. А до тех пор долго будут видеть одни буквы. И вы увидите, вот я

вам говорю это вперед: прежде всего рассердится всякий уездный городишка в России, и будет утверждать, что это злая сатира, пошлая, низкая выдумка, направленная именно на него.

Уходят.

Один чиновник. Это пошлая, низкая выдумка, это сатира, пасквиль!

Другой чиновник. Теперь, значит, уж ничего не осталось. Законов не нужно, служить не нужно... Вицмундир, вот который на мне, — его, значит, нужно бросить: он уж теперь тряпка.

Бегут двое молодых людей.

Один. Ну, все рассердились. Я уж столько слышал толков, что могу, взглянувши, угадать, что каждый думает о пиесе.

Другой. Ну что думает вот этот?

Первый. Вот тот, который надевает шинель в рукава?

Другой. Да.

Первый. Вот что он думает: «за такую комедию тебя бы в Нерчинск!..» Однако ж, тронулось, кажется, верхнее население: водевиль, как видно, кончился. Сейчас нахлынут разночинцы. Уйдем!

Оба уходят.

Шум увеличивается; по всем лестницам раздаётся беготня. Бегут армяки, полушубки, чепцы, немецкие долгополые кафтаны купцов, треугольные шляпы и султаны, шинели всех родов: фризовые, военные, подержанные и щегольские с бобрами. Толпа сталкивает господина, надевающего в рукав шинель; господин посторонивается и продолжает надевать ее в стороне. Показываются в толпе господа и чиновники всех родов и сортов. Лакеи в ливреях прочищают для барынь дорогу. Слышен бабий крик: «Батюшки, припихнули со всех сторон!»

Молоденький чиновник уклончивого свойства (подбегая к господину, надевающему шинель). Ваше превосходительство, позвольте, я вам подержу!

Господин в шинели. А, здравствуй! Ты здесь? Пришел смотреть?

Молоденький чиновник. Да-с, ваше превосходительство, забавно подмечено.

Господин в шинели. Вздор! Ничего нет забавного!

Молоденький чиновник. Это правда, ваше превосходительство, совсем ничего нет.

Господин в шинели. За эдакие вещи нужно сечь, а не хвалить.

Молоденький чиновник. Это правда, ваше превосходительство!

Господин в шинели. Вот, пускают молодых людей в театр. Много полезного вынесут! Вот и ты: теперь уж, чай, придешь в канцелярию, прямо грубить станешь?

Молоденький чиновник. Как можно, ваше превосходительство!.. Позвольте, я вам прочищу дорогу вперед! (*Народу, толкая того и другого*). Эй, вы, посторонитесь, генерал идет! (*Подходя с необыкновенным учтивством к двум щегольски одетым*). Господа, сделайте милость, позвольте пройти генералу!

Хорошо одетые (посторониваясь и давая

дорогу):

Первый. Не знаешь, какой генерал? Должен быть какой-нибудь известный?

Второй. Не знаю, я никогда не видывал его.

Чиновник разговорчивого свойства (подхватывая сзади). Просто, статский советник; по месту только числится в четвертом классе. Каково счастье? В пятнадцать лет службы Владимира, Анну, Станислава, три тысячи рублей жалованья, две тысячи столовых, да от совета, да от комиссии, да еще по департаменту.

Господа хорошо одетые (один другому). Уйдем! (Уходят).

Чиновник разговорчивого свойства. Должны быть матушкины сынки. Чай, в иностранной коллегии служат. Я не люблю комедий; на мой вкус больше нравятся трагедии. (Уходит).

Голос из толпы. Эк народу навалило!

Офицер (пробираясь с дамой под руку). Эй, вы, бороды, что напираете? Разве не видишь: дама!

Купец (с дамой под руку). У самих, батюшка, дама.

Голос из толпы. Вот она поворотилась, видишь, видишь? еще теперь подурнела, но года три тому назад...

Разные голоса. Да три гривны, слышь ты, взял с него сдачи. Подлая, скверная пиеса! Забавная пиеска! Ты, что лезешь в самое горло!

Голос в одном конце толпы. Всё это вздор! Где могло случиться такое происшествие? Этакое происшествие могло только разве случиться на Чукотском острове.

Голос в другом конце. Ну, вот точь-в-точь эдакое событие было в нашем городке. Я подозреваю, что автор если не был сам там, то, вероятно, слышал.

Голос купца. Оно вот изволите видеть. Оно здесь больше, так сказать, с маральной стороны. Конечно, бывают, так сказать, всякие-с. Да ведь и то изволите посудить, что и честный человек, случаем придется... А на счет маральности, так и за дворянами это водится.

Голос господина поощрительного свойства. Должен быть бестия, пройдоха сочинитель, всё изведаль, всё знает.

Голос сердитого чиновника, но, как видно, опытного. Что он знает? чорта он знает. И врет он, врет: всё это, что ни написал он, всё враки. И взятки не так берут, уж если пошло на то...

Голос другого чиновника из толпы. Да что вы говорите: смешно, смешно! Знаете ли, отчего смешно? Ведь это всё личности. Ведь это всё он вывел своих бабушек да тетушек. Вот отчего это смешно!

Неизвестный голос. Стой, украли платок!

Два офицера, узнавшие друг друга, переговариваются через толпу.

Первый. Мишель, ты туда?

Второй. Туда.

Первый. Ну, и я там.

Чиновник важной наружности. Я бы все запретил. Ничего не нужно печатать. Просвещением пользуйся, читай, а не пиши. Книг уж довольно написано, больше не нужно.

Голос в народе. Что ж, коли подлец, то и подлец. Не будь подлецом, то и не будут над тобой смеяться.

Красивый и плотный господин (говорит с жаром невзрачному и низенькому). Нравственность, нравственность страждет, вот что главное!

Господин низенький и невзрачный, но ядовитого свойства. Да ведь нравственность вещь относительная.

Красивый и плотный господин. Что вы разумеете под именем относительная?

Невзрачный, но ядовитого свойства господин. То, что нравственность всякий меряет относительно к себе. Один называет нравственностью снятие ему шляпы на улице; другой называет нравственностью смотренье сквозь пальцы на то, как он ворует; третий называет нравственностью услуги, оказываемые его любовнице. Ведь обыкновенно как говорит всякий из нашей братии своим подчиненным? Свысока говорит: «Милостивый государь, старайтесь исполнить свой долг относительно бога, государя и отечества», а ты, мол, уж там себе разумей относительно чего. Впрочем, это так только в провинциях водится; в столицах этого не бывает, не правда ли? Тут если и явится у кого-нибудь в три года два

дома, так ведь это отчего? Все от честности, не так ли?

Красивый и плотный господин (в сторону).
Скверен, как чорт, а язык, как у змеи.

Невзрачный, но ядовитого свойства господин (толкая под руку вовсе незнакомого ему человека, говорит ему, кивая на красивого господина). Четыре дома в одной улице; все рядом один возле другого, в шесть лет выросли! Каково действует честность на прозябательную силу, а?

Незнакомец (уходя поспешно). Извините, я не дослышал.

Невзрачный, но ядовитого свойства человек (толкая под руку незнакомого соседа). Глухота-то как нынче распространилась в городе, а? Вот что значит нездоровый и сырой климат!

Незнакомый сосед. Да вот и грипп тоже. У меня все дети переболели.

Невзрачный, но ядовитого свойства человек. Да и грипп и глухота; свинка тоже в горле. *(Пропадает в толпе).*

Разговор в группе на стороне.

Первый. А говорят, что подобное происшествие случилось с самим автором: он в каком-то городке сидел в тюрьме за долги.

Господин с другой стороны группы (подхватывая речь). Нет, это было не в тюрьме, это было на башне. Это видели те, которые проезжали. Говорят, это было что-то необыкновенное. Вообразите: поэт на высочайшей башне, вокруг го?ры, местоположение восхитительное, и он оттуда читает стихи. Не правда, ли что здесь является какая-то особенная черта писателя?

Господин положительного свойства. Автор должен быть умный человек.

Господин отрицательного свойства. Знаю, он служил, его чуть не выгнали из службы, просьбы не умел писать.

Просто враль. Бойкая, бойкая голова! Ему места долго не давали, так что ж вы думаете? Он прямо написал письмо к министру. Да ведь как написал, квинтильяновским манером. Одно уж то, как начал: «Милостивый государь!» – А потом и пошел, и пошел, и пошел ... страниц восемь отвалял кругом. Министр

как прочитал: «Ну, говорит, благодарю, благодарю! Я вижу, у тебя много врагов. Будь начальник отделения!» И прямо из писцов махнул он в начальники отделения.

Господин добродушного свойства (обращаясь к другому человеку хладнокровного свойства). Чорт его знает, кому и верить! И в тюрьме сидел, и на башню лазил, и выгнали из службы, и место дали!

Господин хладнокровного свойства. Да ведь это всё говорится экспромптом.

Господин добродушного свойства. Как экспромптом?

Господин хладнокровный. Так. Ведь они еще за две минуты не знают сами, что услышат от себя. Язык у них без ведома хозяина вдруг брякнет новость, а хозяин и рад, возвращается домой, как будто бы наелся. А на другой день он уж и позабыл о том, что сам выдумал. Ему кажется, что он услышал от других и пошел передавать её по городу всем.

Господин добродушный. Это, однако же, бессовестно: лгать и не чувствовать самому.

Господин хладнокровный. Да есть и чувствительные. Есть такие, которые чувствуют,

что лгут, но считают уже надобностью для разговора: красно поле рожью, а речь ложью.

Дама среднего света. Но только какой злой насмешник должен быть этот автор! Я, признаюсь, ни за что бы не хотела попасться ему на глаза. Этак он вдруг заметит во мне смешное.

Господин с весом. Я не знаю, что это за человек? Это, это, это... Для этого человека нет ничего священного: сегодня он скажет такой-то советник не хорош, а завтра скажет, что и бога нет. Ведь тут всего только один шаг.

Второй господин. Осмеять! Да ведь со смехом шутить нельзя. Это значит разрушить всякое уважение, вот что это значит. Да ведь меня после этого всякий прибьет на улице, скажет: «Да ведь над вами смеются; а на тебе такой же чин, так вот тебе затрещина!» Ведь это вот что значит.

Третий господин. Еще бы! Это сурьезная вещь! говорят: безделушка, пустяки, театральное представление. Нет, это не простые безделушки; на это обратить нужно строгое внимание. За эдакие вещи и в Сибирь посы-

лают. Да, если бы я имел власть, у меня бы автор не пикнул. Я бы его в такое место засадил, что он бы и света божьего не взвидел.

Появляется группа людей, бог весть, какого свойства, впрочем благородной наружности и прилично одетых.

Первый. Постоимте лучше здесь, покамест выйдет толпа. Ну что это, право? затевать шум, рукоплесканье, как будто бы бог знает что! Безделка, какая-нибудь пустая театральная пиеса, и подымать такую тревогу, кричать, вызывать автора – ну, что это такое!

Второй. Однако ж пиеса повеселила, развлекла.

Первый. Ну да, повеселила, как обыкновенно веселит всякая безделка. Но зачем же из-за этого такие крики, толки? рассуждают, как будто о какой-нибудь важной вещи, аплодируют... Ну, что это такое! Ну, я понимаю, если бы какая-нибудь певица, или танцовщица, ну, там я понимаю. Там удивляешься искусству, гибкости, проворству, природному таланту. Ну, а здесь что? кричат: литератор! ли-

тератор! писатель! Да что такое писатель? Что иной раз попадетя остроумное словцо, да спишет кое-что с натуры... Да что же здесь за труд? Что ж тут такого? Ведь это всё побасенки и больше ничего.

Второй. Да, конечно, вещь не важная.

Первый. Рассудите: ну, танцор, например, – там всё-таки искусство, уж этого никак не сделаешь, что он делает. Ну, я, например: да у меня, просто, ноги не подымутся. Ну, сделай я антраша – не сделаю ни за что. А ведь писать можно, не учившись. Я не знаю, кто такой автор, но мне сказывали, что он невежа совершенный, ничего не знает, его откуда-то, кажется, выгнали.

Второй. Но, однако ж, всё-таки что-нибудь он должен знать; без этого нельзя писать.

Первый. Да помилуйте, что ж он может знать? Вы сами знаете, что такое литератор? Пустейший человек! Это всему свету известно, ни на какое дело не годится. Уж их пробовали употреблять, да бросили. Ну, посудите сами, ну что такое они пишут? Ведь это всё пустяки, побасенки. Захоти, я сей же час это напишу, и вы напишете, и он напишет, и вся-

кий напишет.

Второй. Да, конечно, почему ж и не написать. Будь только капля ума в голове, так уж и можно.

Первый. Да и ума не нужно. Зачем тут ум? Ведь это всё побасенки. Ну, если бы еще была, положим, какая-нибудь ученая наука, какой-нибудь предмет, которого еще не знаешь, – а ведь это что такое? Ведь это всякий мужик знает. Это всякий день увидишь на улице. Садись только у окна, да записывай всё, что ни делается, вот и вся штука!

Третий. Это правда. Как подумаешь, право, на какой вздор употребляют время!

Первый. Именно, трата времени – больше ничего. Побасенки, пустяки! Просто бы нужно запретить давать им перо и чернила в руки. Однако ж, народ выходит, пойдёмте! Подымать шум, кричать! поощрять! а дело, просто, вздор! Побасенки, пустяки, побасенки!

Уходят. Толпа редет, бегут кое-какие оставшиеся.

Добродушный чиновник. А всё бы, право, ну

что бы хоть одного честного человека выставить. Всё плуты да плуты.

Один из народа. Слышь ты, жди меня на перекрестке. Я забегу возьму рукавицы.

Один из господ (смотря на часы). Однако, скоро час. Никогда я так поздно не выходил из театра. *(Уходит).*

Отставший чиновник. Только время даром пропало! Нет, никогда больше не пойду в театр! *(Уходит; сени пустеют).*

Автор пьесы (выходя). Я услышал более, чем предполагал. Какая пестрая куча толков! Счастье комику, который родился среди нации, где общество еще не слилось в одну недвижимую массу, где оно не облеклось одной корой старого предрассудка, заключающего мысли всех в одну и ту же форму и мерку, где что человек, то и мненье, где всякий сам создатель своего характера. Какое разнообразие в этих мнениях, и как везде блеснул этот твердый, ясный русский ум! И в сем благородном стремленьи государственного мужа! И в сем высоком самоотверженьи забившегося в глушь чиновника! И в нежной красоте великодушной женской души! И в эсте-

тическом чувстве ценителей! И в простом верном чутье народа! Как даже в сих недоброжелательных осуждениях много того, что нужно знать комику! Какой живой урок! Да, я удовлетворен. Но отчего же грустно становится моему сердцу? Странно: мне жаль, что никто не заметил честного лица, бывшего в моей пиесе. Да, было одно честное, благородное лицо, действовавшее в ней во всё продолжение ее. Это честное, благородное лицо был — смех. Он был благороден потому, что решился выступить, несмотря на низкое значение, которое дается ему в свете. Он был благороден потому, что решился выступить, несмотря на то, что доставил обидное прозвание комику, прозвание холодного эгоиста, и заставил даже усумниться в присутствии нежных движений души его. Никто не вступился за этот смех. Я комик, я служил ему честно и потому должен стать его заступником. Нет, смех значительней и глубже, чем думают. Не тот смех, который порождается временной раздражительностью, желчным, болезненным расположением характера; не тот также легкий смех, служащий для праздного развлечения и заба-

вы людей, – но тот смех, который весь излетает из светлой природы человека, излетает из неё потому, что на дне её заключен вечно-бьющий родник его, который углубляет предмет, заставляет выступить ярко то, что проскользнуло бы, без пронизывающей силы которого мелочь и пустота жизни не испугала бы так человека. Презренное и ничтожное, мимо которого он равнодушно проходит всякий день, не возросло бы перед ним в такой страшной, почти каррикатурной силе, и он не вскрикнул бы, содрогаясь: неужели есть такие люди? тогда как, по собственному сознанию его, бывают хуже люди. Нет, несправедливы те, которые говорят, будто возмущает смех. Возмущает только то, что мрачно, а смех светел. Многие бы возмутило человека, быв представлено в наготе своей; но, озаренное силою смеха, несет оно уже примиренье в душу. И тот, кто бы понес мщение противу злобного человека, уже почти мирится с ним, видя осмеянными низкие движения души его. Несправедливы те, которые говорят, что смех не действует на тех, противу которых устремлен, и что плут первый посмеется над

плутом, выведенным на сцену: плут-потомок посмеется, но плут-современник не в силах посмеяться! Он слышит, что уже у всех остался неотразимый образ, что одного низкого движенья с его стороны достаточно, чтобы этот образ пошел ему в вечное прозвище; а насмешки боится даже тот, который уже ничего не боится на свете. Нет, засмеяться добрым, светлым смехом может только одна глубоко-добрая душа. Но не слышат могучей силы такого смеха: что смешно, то низко, говорит свет; только тому, что произносится суровым, напряженным голосом, тому только дают название высокого. Но боже! Сколько проходит ежедневно людей, для которых нет во все высокого в мире! Всё, что ни творилось вдохновеньем, для них пустяки и побасенки; созданья Шекспира для них побасенки, святыя движенья души – для них побасенки. Нет, не оскорбленное мелочное самолюбье писателя заставляет меня сказать это, не потому, что мои незрелые, слабые созданья были сейчас названы побасенками. Нет, я вижу свои пороки и вижу, что достоин упреков. Но не могла выносить равнодушно душа моя, когда

совершеннейшие творения честились именами пустяков и побасенок, когда все светила и звезды мира признавались творцами одних пустяков и побасенок! Ныла душа моя, когда я видел, как много тут же, среди самой жизни, безответных, мертвых обитателей, страшных недвижимым холодом души своей и бесплодной пустыней сердца; ныла душа моя, когда на бесчувственных их лицах не вздрагивал даже ни призрака выражения от того, что повергало в небесные слезы глубоко-любящую душу, и не коснел язык их произнести свое вечное слово: побасенки! Побасенки!.. А вон протекли веки, города и народы снеслись и исчезли с лица земли, как дым унеслось всё, что было, а побасенки живут и повторяются поныне, и внемлют им мудрые цари, глубокие правители, прекрасный старец, и полный благородного стремленья юноша. Побасенки!.. А вон стонут балконы и перилы театров; все потряслось снизу доверху, превратясь в одно чувство, в один миг, в одного человека, все люди встретились, как братья, в одном душевном движении, и гремит дружным рукоплесканьем благодарный гимн тому, которо-

го уже пятьсот лет как нет на свете. Слышат ли это в могиле истлевшие его кости? Отзывается ли душа его, терпевшая суровое горе жизни? Побасенки!.. А вон, среди сих же рядов потрясенной толпы, пришел удрученный горем да невыносимой тяжестью жизни, готовый поднять отчаянно на себя руку, и брызнули вдруг свежительные слезы из его очей, и вышел он примиренный с жизнью и просит вновь у неба горя и страданий, чтобы только жить и залиться вновь слезами от таких побасенок. Побасенки!.. Но мир задремал бы без таких побасенок, обмелела бы жизнь, плесенью и тиной покрылись бы души. Побасенки!.. О, да пребудут же вечно святы в потомстве имена благосклонно внимавших таким побасенкам. Чудный перст провиденья был неотлучно над главами творцов их. В минуты даже бед и гонений всё, что было благороднейшего в государствах, становилось прежде всего их заступником: венчаный монарх осенял их царским щитом своим с вышины недоступного престола.

Бодрей же в путь! И да не смутится душа от осуждений, но да примет благодарно ука-

занья недостатков, не омрачась даже и тогда, если бы отказали ей в высоких движениях и в святой любви к человечеству! Мир, как водоворот: движутся в нем вечно мненья и толки, но всё перемалывает время. Как шелуха, слетают ложные и, как твердые зерна, остаются недвижимые истины. Что признавалось пустым, может явиться потом вооруженное строгим значением. Во глубине холодного смеха могут отыскаться горячие искры вечной могучей любви. И почему знать, может быть, будет признано потом всеми, что в силу тех же законов, почему гордый и сильный человек является ничтожным и слабым в несчастьи, а слабый возрастает, как исполин, среди бед, в силу тех же самых законов, кто льет часто душевные, глубокие слезы, тот, кажется, более всех смеется на свете!..

Примечания

Печатается по белой рукописи, хранящейся в Библиотеке Академии Наук СССР в Киеве.

Впервые напечатано в Собрании сочинений Гоголя 1842 г. в конце четвертого тома. Первые наброски сделаны в апреле-мае 1836 г. под впечатлением первого представления «Ревизора». Окончательно отделявая пьесу, Гоголь особенно старался придать ей принципиальное, обобщенное значение, чтобы она не выглядела только комментарием к «Ревизору». Он писал Прокоповичу из Германии 15 июля 1842 г. о своей пьесе: «Ее нужно сделать несколько идеальной, т. е. чтобы ее применить можно было ко всякой пиесе, задирающей общественные злоупотребления, а потому я прошу тебя не намекать и не выдавать ее, как написанную по случаю «Ревизора». «Более всего хлопот было мне с остальной пьесой «Театральный разъезд», – писал он в другом письме (29 августа 1842 г.). – Но она заключительная статья «Собрания (сочинений)» и потому очень важна и требовала тща-

тельной отделки». В речах «литератора» и «еще литератора» пародируются суждения Булгарина в «Северной пчеле» и Сенковского в «Библиотеке для чтения». Устами «второго любителя искусства» дается ответ Сенковскому, рекомендовавшему ввести в комедию «любовную интригу». Место действия – сени Александрійского театра в Петербурге.

Август Коцебу (1761-1819) – немецкий драматург, автор пошлых сентиментальных пьес, переводившихся на русский язык и постоянно ставившихся на сцене в первой четверти XIX века.

Действительный статский советник – один из высших чинов «табели о рангах», штатский генерал.

Фронтиспис – рисунок, помещенный перед первой страницей книги.

Иностранная коллегия – ведомство иностранных дел, куда молодые люди устраивались только для виду.

Сноски

1

Само собою разумеется, что автор пиесы лицо идеальное. В нем изображено положение комика в обществе, комика, избравшего предметом, осмеяние злоупотреблений в кругу различных сословий и должностей.

[^^^]

2

Приличный человек (человек как следует).

[^^^]

Общество, мой милый.

[^^^]